

STUDIA HISTORICA

С. О. Шмидт

ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
В КУЛЬТУРЕ ПОЗНАНИЯ
ИСТОРИИ РОССИИ

ТОМ 2

Двадцатое столетие

КНИГА 2

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2012

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4-3в6
Ш 73

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Шмидт С. О.

Ш 73 Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2. Двадцатое столетие. Кн. 2. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 496 с. — (Studia historica).

ISSN 1727-9968
ISBN 978-5-9551-0464-5

Эта книга избранных трудов видного историка и культуролога, академика РАО, советника РАН С. О. Шмидта, включает работы разных лет — и исследовательские труды, и эссеистику, и публицистику. Основная проблематика — обращение к памятникам письменности в трудах по отечественной истории и истории культуры: приемы выявления в них исторической информации, особенности восприятия историко-культурного наследия и использования его в просветительской деятельности историками (В. О. Ключевским, великим князем Николаем Михайловичем, И. М. Гревсом, С. Ф. Платоновым, М. М. Богословским, Н. П. Павловым-Сильванским, М. Н. Тихомировым, Н. Л. Рубинштейном и др.), литературоведами (Д. С. Лихачевым, В. Я. Лакшиным, И. Л. Андрониковым), писателями (восприятие «арбатства» в творчестве Б. К. Зайцева, М. И. Цветаевой, Б. Ш. Окуджавы и др.), вклад их в формирование памяти о явлениях и далекого прошлого, и недавнего времени.

Книга рассчитана на культурологов, историков, литературоведов, преподавателей вузов, музейных и архивных работников.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9551-0464-5

© С. О. Шмидт, 2012
© Языки славянских культур, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Ключевский и культура России	9
Сочинения Н. П. Павлова-Сильванского как памятник истории и культуры . . .	19
Памяти великого князя Николая Михайловича	31
На рубеже эпох. А. С. Лаппо-Данилевский	46
Подвижник науки. М. М. Богословский	57
Историк С. Ф. Платонов — ученый и педагог (К 150-летию со дня рождения)	70
И. М. Гревс и воспитание историй	183
Памяти учителя (Материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова)	203
Судьба историка Н. Л. Рубинштейна	233
Самый талантливый с нашего курса. А. П. Каждан	266
Роль провинции в формировании российской культуры	306
Цветаевы в культуре Арбата	318
Два Арбата Марины Цветаевой	322
Арбат Бориса Зайцева	324
Арбат в культуре российского зарубежья	326
Удивительный мальчик с Арбата (О художнике Коле Дмитриеве)	335
О незавершенной книге Николая Бухарина «Времена»	337
Вступление к книге о московском учителе словесности И. И. Зеленцове	342
О Любви Новохатской и об этой книге	357
О Якобе Голосовкере	360
Иракий Луарсабович Андроников	373
«Нравственные вершины» ученого и писателя	378
Наследник российских просветителей В. Я. Лакшин	407
«Не покупаются, не покупаются доброе имя, талант и любовь!» К 70-летию Булата Окуджавы	411
Булат Окуджава и «арбатство»	416
О книге «Арбат передо мною...»	433
Русская эмиграция, и ее влияние на отечественную историческую мысль	435
Эмигрантские издания в личной библиотеке В. И. Ленина	478

ДВАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ

КЛЮЧЕВСКИЙ И КУЛЬТУРА РОССИИ*

Василий Осипович Ключевский — порождение культуры России, ее исследователь и творец, ее гордость.

Великий историк, ученый и педагог, классик русской прозы, мастер ораторского искусства и устной беседы, слава Московского университета и Московской духовной академии, всей Москвы и всей России, Ключевский единственный, кто был избран в Академию наук и ординарным академиком Историко-филологического отделения (в 1900 г.), и почетным академиком по Разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности (в 1908 г.).

Из трех богатырей российской науки истории в XIX в. (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский) младший оставался неизменно популярным на протяжении и почти всего следующего XX столетия. Широкий интерес к прошлому нашего Отечества, возбужденный в начале XIX в. книгами «Истории государства Российского» Карамзина, стал с тех пор данностью бытия российской интеллигенции; и на рубеже XIX и XX столетий, стараясь объяснить настоящее прошлым, обращались прежде всего к «Курсу русской истории» Ключевского.

Тема «Ключевский и культура России» подразумевает разные аспекты: восприятие Ключевским культуры России, изучение им культуры России, вклад Ключевского в развитие этой культуры, включение Ключевского (и сочинений его, и личности) в представления других (и современников его, и потомков) о культуре России и т. п. В кратком выступлении допустимо ограничиться лишь постановкой некоторых вопросов в плане этой многообразной проблематики.

Ключевский был истинно русским человеком не только по воспитанию и манере поведения, но и по вкусам своим и образу мыслей. Это не означает, однако, что он довольствовался элементами культуры только российского происхождения. Как и другие российские интеллигенты той поры, он был европейски образован, знаком и с культурой зарубежной и воспринимал культуру России как часть мировой культуры, а православие как религию, объединяющую человечество, говорящее на многих языках. Ключевский еще в молодые годы заинтересованно старался узнать сам и поведать другим о том, что знали иностранцы о России в допетровский период (тема его

* Впервые опубликовано в кн.: Ключевский. Сборник материалов / Отв. ред. С. О. Шмидт. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 323—335.

первой книги) и включить данные о России в издание перевода популярной книги для «чтения в школе и дома» по истории общественного и частного быта Европы. А затем все в большей мере становится свидетелем возрастающего вклада россиян в мировую культуру — в развитие литературы и искусств, в совершенствование научных знаний и признания всемирно-исторических заслуг его соотечественников. (Хотя даже в канун кончины Ключевского в популярнейшем на всех пяти континентах французском одно-томном словаре Ларусса «*Dictionnaire complet illustre*», так называемом «Малом Ларуссе», поместили из наших соотечественников портреты только императоров Петра I, Екатерины II и всех царствовавших в XIX — начале XX в., полководца Суворова, писателя Тургенева и музыканта Антона Рубинштейна.)

Для формирования мировидения Ключевского, основ его общественных воззрений и эстетических представлений особое значение имела пензенская юность, приобщившая его с детских лет к корневой народной культуре. Ключевский рано освоил запечатленные еще в фольклоре понятия о взаимосвязи природы и общества, обычаи общепития и просторечие сельских жителей и мещанства, духовенства и чиновничества. Эти впечатления сызмальства остро-наблюдательного и приметливого Ключевского обусловили «глубокое знакомство с великорусским бытом, живую стихию народности», которые в Ключевском-историке особенно высоко ценил историк С. Ф. Платонов, ибо, по мнению младшего современника Ключевского, «понять старую русскую жизнь» в ее конкретности, избегая надуманного юридического схематизма, может только тот, кто «знаком с современным народным бытом»¹.

Литературовед Н. К. Пиксанов для книги 1928 г. «Областные культурные гнезда» — одного из самых значительных изданий «золотого десятилетия» нашего краеведения — эпитафией избрал слова Гёте: «*Wer den Dichter will verstehen, // Muss in Dichters Lande gehen*» (Кто хочет понять писателя [автора], должен идти в землю его обитания [рождения]). С разгромом краеведения на рубеже 1920—1930-х годов и сознательным устранением с магистрального пути развития гуманитарных наук ученых-краеведов постарались отступить и от «областного принципа в русском культуроведении» (именно этими словами начинается предисловие к книге Пиксанова) — тем самым отказались от последовательного изучения повседневности культурно-политической истории своего края и выявления примет типологии в историческом развитии той или иной местности, преимущественное внимание обращая на особо заметных деятелей всероссийского масштаба и на связи с провинцией выдающихся людей, постоянным местом пребывания которых были Москва или Петербург.

Пензенский край в средней части европейской черноземной России — это и достижения трудолюбия земледельцев, и крепостническое землевладение, устные предания о восстаниях под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева и расправах с помещиками, и средоточие усадебной культуры, воспоминания об опальном

¹ Платонов С. Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. I. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1933. С. 258, 262.

реформаторе Сперанском и атмосфера ожидания отмены ненавистного всему передовому крепостного права. Здесь Ключевский ознакомился и с искони бытовавшей на Руси церковно-учительской литературой, и с основными элементами схоластической образованности, смог на практике ощутить и достоинства, и недостатки распространенных приемов обучения и воспитания. Как установлено теперь В. П. Козловым, основная масса рукописных и старопечатных книг находилась в первой половине XIX в. в среде низшего и среднего слоев провинциального общества. В Пензе было немало напоминаний и о родившихся или обитавших здесь классиках новой русской литературы.

Американский историк Р. Берне в статье 1989 г. подчеркивал, что именно «под сенью колоколов» Пензы «Ключевский получил то первоначальное образование и набор жизненных впечатлений, которые определили его характер, направленность умственных интересов, демократизм взглядов»². В выводах своих Берне лишь в малой мере опирается на труды пензенских авторов последних лет. А труды эти — книги, статьи, документальные публикации, в том числе о жизни старших современников Ключевского И. Н. Ульянова и В. Х. Хохрякова, — существенно расширяют круг наших конкретных знаний о социокультурной атмосфере в Пензе середины прошлого века. Узнаем и о том, что для улицы Поповки, где обитали священнослужители — родственники Ключевского по матери и поселилась, овдовев, она сама с маленькими детьми, характерным было не только цветение садов, но и книги в домах, и среди них классические сочинения русской и зарубежной художественной и исторической литературы. Молодые поповичи обсуждали и новинки журнальной публицистики.

Это в совокупности с данными о других регионах России первого пореформенного десятилетия позволяет сделать и более обобщающего плана наблюдение о культуре российской провинции, побуждающее отказаться от категоричности некоторых расхожих мнений, основанных на восприятии образности художественной литературы без учета степени метафоричности обличительного стиля ее. Хотя выявлено в архивах множество фактов, убеждающих в дикой жестокости и диком же бескультурье помещиков-крепостников (вспомним и пушкинское определение — «барство дикое»), не следует забывать о том, что «недоросль» Митрофанушка был ровесником и Карамзина, и тех, в чьих семьях выросли будущие герои «Евгения Онегина» и «Войны и мира». В серьезных научных трудах не должно ограничиваться тенденциозно одноцветным изображением провинциальных помещиков последней четверти XVIII в. лишь как Скотининых и Простаковых; как и во второй четверти XIX в., не все походили на героев гоголевских «Мертвых душ». Также следует отказаться и от однолинейности в характеристиках городского духовенства и семинарского образования середины XIX в. Конечно, очень многое соответствовало изображению бурсы Помяловским и другими художниками слова и мемуаристами, но нельзя упускать из виду то, что в духовных учебных заведениях преподавали также даровитые просвещенные педагоги и ученые;

² Роберт Ф. Берне. Молодой Ключевский. Под сенью колоколов Пензы (перевод В. Дворянова) // Земство. Пенза, 1994. С. 34—59.

и из среды семинаристов и вообще духовенства вышло немало властителей дум по-реформенной России — публицистов, авторов популярных и поныне художественных произведений, ученых и педагогов, известных общественных деятелей.

Склонность Ключевского к писательству, афористическому выражению мыслей, беллетризованному философствованию, так явственно обнаруживаемым в его первых московских дневниковых записях и письмах в Пензу, формировалась, конечно, еще прежде. Из Пензы в Москву он приехал достаточно начитанным в литературе прежних лет, с высоко развитой уже ассоциативностью мышления, с определенным навыком тренировки памяти и приемов художественно-литературного письма, с опытом споров и обсуждений в восприимчивой к его размышлениям дружеской среде молодежи.

Пензенская юность не в меньшей мере, чем рано проявившиеся способности к литературно-художественному творчеству и к риторике (которую тогда уже воспринимали не только как науку о красноречии, но и как теорию прозы), предопределили уже в студенческие годы в Москве особую заинтересованность в изучении российской истории и литературы, древнерусского языка, Ключевский избрал для себя школу не одного великого университетского Учителя, а двух — С. М. Соловьева и Ф. И. Буслаева. И вероятно, для ученика и его взаимодействия с учителем имело значение и то, что Соловьев был сыном священнослужителя, а Буслаев провел юные годы в родной Ключевскому Пензе.

Оба великих предшественника Ключевского — и Карамзин, и Соловьев — непосредственно, визуально воспринимали зарубежную культуру. Побывали прежде, чем приступить к созданию своих главных исторических трудов, в Западной Европе, воспитывались на сочинениях зарубежных мыслителей, которые читали обычно на языке оригинала, следили за зарубежной периодикой. Большинство профессоров Московского университета прошли и школу стажировки в зарубежных университетах. Ключевский не выезжал за границу, был человеком иной внешней среды и иного культурно-бытового обихода. Он не имел и навыков свободной речи на иностранных языках. А следовательно, и утрачивал в такой ситуации пленявшую всех быстроту языкотворческой реакции на услышанное и увиденное, не мог оставаться блистательно остроумным и язвительным собеседником. Не потому ли, став уже всемирно знаменитым, Ключевский чурался московских профессорских гостиных, где русский и иностранные языки перемежались, и легче себя чувствовал среди профессоров Духовной академии?³

Москва ко времени переезда туда Ключевского уже полтора столетия была — по определению Пушкина — «порфиросной вдовой». Она в буквальном смысле слова была окружена провинцией, москвичи были тесно взаимосвязаны с провинциальной жизнью. Но в профессионально-интеллигентской среде уровень культуры в сфере наук, литературы, искусств был не ниже петербургского. И когда говорили о столичной литературе, столичной науке, то подразумевали литературу и науку Петербурга и Москвы. Внешними средоточиями сравнительно широкого распространения и восприятия явлений культуры и общественной жизни, тогда — когда не знали еще ни радио,

ни телевидения, ни даже телефона — были периодическая печать и места постоянных встреч: читальни, клубы, театры, рестораны, и особенно гостиные и кабинеты в частных домах, где практиковались обязательные журфиксы, т. е. встречи в определенный — фиксированный день (не говоря уже о салонах просвещенных хозяек). Основной темой разговоров, если исключить политику, были явления гуманитарной сферы — тематика традиционная уже в течение почти столетия.

Попович, провинциал, не имевший в Москве родственных связей в культурной среде и возможности приобщиться к разговорной традиции дворянских гостиных — близкой и к традиции провинциальных усадебных дворянских гнезд, — так сказать, столичное обличье культуры мог воспринять сначала лишь в студенческой, шире — в университетской среде. А это был период, когда демонстративно старались отряхнуть прах унаследованного от умствования и вкусов второй четверти XIX в. Идеи и рассудочные приемы мыслительной деятельности позитивистов сменяли романтические по духу споры современников Герцена и героев ранних романов Гончарова и Тургенева, воспитанных немецкой классической философией и утопическими воззрениями, восходящими еще к Веку Просвещения.

В молодежной среде пореформенных лет «модными» почитались идеи Базарова, героев «Что делать?» Чернышевского, статьи Писарева, зарубежных социалистов. И чуткий и впечатлительный ум даровитого юноши именно это должен был впитывать как новое, с акцентом столичности и импортных воздействий. Сердечность демонстративно вытесняется рассудочностью, сентиментализм, естественно совмещавший рационализм века Просвещения с обязательными идеалами высокой нравственности, снисходительно и насмешливо воспринимается как манерное сентиментальничанье, а романтизм с его возвышенностью представляется театрализованной позой. Отрицание «идеализма» «отцов» — лозунг нигилистически настроенных «детей». Закономерности развития природы пытаются распространить на общественную жизнь, а приемы и терминологию естественных наук ввести в сферу и общественных наук — отсюда характерное для историка Ключевского желание познать «анатомию» и «физиологию» общественного, исторического развития.

Этому после крушения государственно-политических замыслов Николая I сопутствовал отказ от имперских амбиций (характерных для образа мыслей людей Пушкинской эпохи), ослабление внимания и уважения к истории государственности и особенно к истории внешней политики и возрастание интереса к «народному», к настоящему и прошлому основного населения России. Синхронность этнографических работ, организуемых Географическим обществом и Статистическими комитетами, необычайного успеха драм из жизни третьего сословия А. Н. Островского, прихода в литературу поколения писателей-«народников», а в изобразительное искусство передвижников — не случайна. У людей жертвенного начала и не освободившихся от утопических надежд на скорое общественное переустройство и верящих в силу насильственного воздействия на общественное сознание это вылилось в идеи революционного «хождения в народ» и даже яко-

бы очистительного для общества террора. Ключевский, человек замкнутого характера, не склонен был к участию в общественно-возбуждающих действиях, да и сверстники его, чуя огромность и необычность его дарования, оберегали своего, научно столь перспективного, товарища и не втягивали его в свои не безопасные для будущего дела.

Ключевский рано распознал и утомительность ученого схематизма в объяснении исторических явлений и навязываемых политико-идеологических схем. Крепкая корневая, культурная (и, что существенно, вкусовая) основа, восходящая к пензенской юности, и понимание своей неподготовленности к плаванью в русле новомодных течений удержали самолюбивого и дальновидного студента от увлечения новаторскими тенденциями, сохранили его в сфере основательного гуманитарного знания и даже верности традициям своих профессоров. Но на менталитет Ключевского как мыслителя, на приемы его подхода к явлениям и выработку шкалы оценок эти новомодные веяния не могли не оказать влияния. По литературно-художественному стилю своему и, видимо, вкусовым симпатиям он в русле культуры русской классической литературы предшествующего времени, как бы неоклассик, близкий тем, кто сформировался еще в первую половину века, но по самому строю своей мысли и оценочному подходу к явлениям до конца дней оставался человеком 1860-х годов. Существенно и то, что к 1860-м годам уже отошли в обществе от увлечения общефилософскими концепциями и, соответственно, попытками приложения их к отечественной истории и праву (что характерно для С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина). Быть может, потому-то Ключевского позднее совсем не волновали возможности привнесения новообретенных философских и социологических знаний в проблематику источниковедения и обществоведения, что особенно привлекало в начале XX столетия А. С. Лаппо-Данилевского, правоведов, историков экономики (в том числе «легальных марксистов»).

В период, когда — по его же словам — «студентам старших семестров уже виднеется жизненный путь»³, Ключевский осознал, что именно «профессорство» — наиболее доступная ему из высоких общественных ступеней. Ясно для него стало и то, что пользующийся уважением коллег и студентов профессор становится с возрастающим пониманием общественно-государственного значения науки весомой общественной силой. Он избирает при этом путь и ученого-исследователя, и профессора-лектора. Как бы вознамериваясь совместить в одном лице и С. М. Соловьева (все-таки прежде всего исследователя), и Т. Н. Грановского — прежде всего лектора. Быть может, и в этом ему помогали также наблюдения пензенской юности, представления о воздействии проповедей — и их содержания, и их формы — на аудиторию. Вероятно, нужно иметь в виду и особое влияние именно в ту пору на московское общество театра, и прежде всего Малого театра, который называли Вторым Московским университетом.

Среда, в которой воспитывался тогда ум Ключевского и определялись его интегрессы исследователя и педагога-просветителя, чуткое понимание характера восприятия

³ Ключевский В. О. Соч. Т. VIII. С. 258.

в этой среде научного знания обусловили задачи дальнейшей творческой деятельности Ключевского и самый стиль его сочинительства и лекторскую манеру.

Первичные наблюдения, опиравшиеся и на жизненный опыт и знания, почерпнутые из разнообразной литературы, от знакомства с памятниками культуры, затем постоянно пополнялись и поновлялись, особенно когда сам Ключевский вступил уже на профессорскую кафедру и привык к постоянному общению уже с лицами его нового круга и судьба «дарила его счастьем встречаться с образованными и мыслящими людьми»⁴.

Для системы восприятия Ключевским явлений культуры, общественного сознания характерно то, что он был писателем не в меньшей мере, чем ученым, хотя и обделен был, можно полагать, даром непосредственного радостного эстетического восприятия. Ум довлел надо всем. По существу, сфера открывающихся его умственному взору наблюдений — это сфера исторической психологии, даже если он и не ведал о подобных дефинициях, тем более о возможностях применения их к своему творчеству. И, как выясняется, именно в этой области знаний он оказался способным предвосхитить некоторые идеи социологов рубежа XIX и XX в. Образ восприятия писателя-художника помог ему и в видении и изображении конкретных «бытового» плана черт истории и экономики прошлого, его повседневности. И не как особой темы, что понимали еще до него, а как обязательной составной в познании процесса российской истории, не менее существенной, чем события государственной истории.

Можно думать, что дар конкретно-художественного восприятия мира и несклонность к философскому схематизму тоже следует принимать во внимание, ища объяснение тому, что Ключевский-историк придерживался представлений о многофакторности исторического процесса. И это же не позволяет уложить творчество Ключевского в прокрустово ложе четкой идеологии. Как это немисливо сделать часто в отношении других великих людей — Пушкина, Лермонтова, современников Ключевского — Чехова в литературе, Чайковского в музыке. Что отнюдь не препятствовало и самому Ключевскому, и его современникам, и нам, знакомящимся с его многочисленными высказываниями, усматривать определенную политическую, даже «партийную» позицию в тот или иной момент политической жизни России.

Сочинения Ключевского — книги, статьи, с недавнего времени афоризмы и дневниковые записи — постоянно в поле зрения ученых и широкой публики. Но вершиной славы его остается «Курс русской истории» и публичные выступления (лекции) на определенную тему. Хотя теперь установлено уже, что основные идеи «Курса...» восходят еще к монографии о Боярской думе. М. В. Нечкина проследила это даже по первоначальным заголовкам докторской диссертации — «Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества», характерно и заглавие Введения к ней — «В предлагаемой работе Боярская дума рассматривается в связи с классами и интересами, господствовавшими в древнерусском обществе»⁵. Причем, если в изложе-

⁴ Ключевский В. О. Соч. Т. VIII. С. 258.

⁵ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974. С. 176.